

Андрей ПОПОВ

«Я НЕ ЗНАЮ, В ЧЬЮ ПОЛЬЗУ САЛЬДО»: ДЕНЬГИ В ЗЕРКАЛЕ ОТКРОВЕНИЙ И СУДЕБ

Деньги давно стали не только предметом непреходящего вожделения человека, но и объектом его напряженных размышлений. Далеко не все отзывались о них сочувственно. «Деньги — зло, а потому стремиться к богатству предосудительно» — это расхожее убеждение в продолжение многих веков пытались утвердить как раз и навсегда предустановленную истину.

Непрекращающаяся демонизация денег со временем стала раздражать даже тех, кого никак нельзя причислить к заступникам толстосумов. Бернард Шоу, в конце жизни называвший себя коммунистом, с неприкрытым негодованием заявлял: «Учить детей, что грешно стремиться к деньгам, — значит доходить до крайних пределов бесстыдства в своей лжи и лицемерии... Деньги — главное в жизни, и эта аксиома должна быть в основе всякой здоровой морали — как личной, так и национальной». Но можно ли и этот директивный вывод принять за безусловную истину?

Давно замечено, что афоризмы и цитаты в бесчисленных антологиях «мудрых мыслей» притязают на особую объективность, всеобщность утверждений, оценок, наставлений. Но лишённые личного измерения, не соотнесённые с конкретными обстоятельствами, они часто воспринимаются лишь как умозрительные рассуждения. Нельзя понять отношение великих и известных людей к деньгам только по мыслям, извлечённым из таких сборников. Важно знать, что побуждало их к этим размышлениям. Нуждались они или были людьми обеспеченными? Как вели себя в денежных вопросах? Были бережливými или расточительными, скупыми или щедрыми, расчетливыми или беспечными?

У героев публикуемых заметок «личные отношения» с деньгами складывались по-разному. В истории этих отношений отразились не только их денежные убеждения и внутренние качества — порой не самые привлекательные. Это еще и оценка личных поражений и выигрышей, подведение жизненных итогов, подсчет сальдо в «балансе судьбы»...

Андрей Николаевич Попов родился в 1958 году в Караганде (Казахстан). Кандидат филологических наук, доцент. Отличник образования Республики Казахстан. Автор более 40 научных и научно-методических работ, а также многочисленных журнальных и газетных публикаций в российской и казахстанской периодической печати. Живет в Москве.

«Деньги лучше, чем советы»

Он не просто предчувствовал — он знал, что рано или поздно безумие его настигнет. Однажды во время прогулки по парку, кивнув на дерево с засохшей верхушкой, мрачно заметил: «Вот так буду умирать и я, начиная с головы...» Джонатану Свифту не было и тридцати, когда его стали преследовать мучительные приступы головокружения и глухоты. С каждым годом они повторялись все чаще и чаще, а со временем стали сопровождаться еще и потерей памяти. Вот это Свифта более всего и пугало. Приступы не просто отнимали прошлое, они делали его совершенно беспомощным и лишали возможности общаться с миром.

Он готовился к сумасшествию так, как готовятся к смерти. Старался привести в порядок дела и бумаги, ничего не оставляя на волю случая. Понимал, как важно успеть написать завещание до того, как начнут сомневаться в его дееспособности. Именно поэтому так настойчиво добивался, чтобы опытные лондонские юристы сделали юридически безупречными и точными все его завещательные распоряжения. Без этого было никак нельзя: Свифт понимал, что у многих возникнет искушение его посмертную волю оспорить — настолько она была странной и безрассудной.

Собственно, догадаться, каким будет его волеизъявление, было несложно: об этом он рассказал еще лет за десять до того, как завещание стало юридическим документом. Но тогда ему мало кто поверил. Поэму-мистификацию «На смерть доктора Свифта» великий писатель-сатирик завершил вот такой эпитафией самому себе: «Он отдал все, что имел, на постройку дома для глупцов и безумцев и этим доказал, что ни одна другая нация не нуждается сильнее в подобных заведениях». Все отнеслись к этому только лишь как к язвительной, издевательской насмешке.

Насмешка? Да! И над самим собой, и над современниками... Но насмешливые слова позже преобразились в предельно четкие деловые указания: «Желаю, чтобы все мое состояние было обращено в наличные деньги, и оные затрачены на аренду земли, и годовой доход от аренды был обращен на приобретение участка вблизи Дублина, достаточно обширного, чтобы построить на нем госпиталь, и чтобы онный госпиталь мог вместить такое количество слабоумных и умалишенных, на содержание какового будет достаточно доходов с означенных земель...И чтобы данный доход был обращен на снабжение помещенных в означенном госпитале слабоумных и умалишенных продовольствием, лекарствами, одеждой, услугами и на потребный время от времени ремонт...»

Ему действительно надо было торопиться. Завещание было составлено и подписано в мае 1740 года, а уже в июле он напишет последние свои строки: «Всю ночь я невыразимо страдал и сегодня ничего не слышу и охвачен болями. Я настолько отупел и потерял разум, что не могу объяснить, какие муки унижения переживают мой дух и тело. Все, что могу сказать, — я еще не в пытке агонии, но жду ее ежедневно и ежечасно... Я уверен, что дни мои сочтены, они должны быть недолги и жалки».

Расчет не оправдался: жалкими и мучительными оказались не дни, а долгих пять лет... Болезнь стремительно стирала его память: исчезло прошлое, исчезли друзья и знакомые, которых он не узнавал. Порой возвращалась боль — как еще одна пытка. Биографы уверяют, что однажды несколько санитаров едва могли удержать Свифта, когда он пытался вырвать себе глазное яблоко — такой невыносимой была боль от воспалившегося глаза.

Вскоре после этого случая Свифт перенес инсульт, потерял способность говорить и впал в глубокую апатию. Для него уже не было прошедшего и будущего — время

ушло из его жизни. Когда-то он неосторожно назвал себя «несуществующим человеком». Он им и стал — с помрачившимся рассудком, без памяти, без переживаний, без слов. В августе 1742 года врачебная комиссия решила, что Свифт «не в состоянии заботиться о себе и своем имуществе, как лицо слабого ума и лишенное памяти».

Это так: ничто его уже не могло волновать и заботить. Ну а раньше — до того, как застыть в долгом глухомемом ступоре, — заботился ли он о деньгах и имуществе? Вне всякого сомнения! Ведь писал же Свифт безоглядно влюбленной в него Эстер Ваномри, которую он называл Ванессой: «Помните, что богатство составляет девять десятых всего, что есть хорошего в жизни, а одна десятая — здоровье».

Правда, немного позднее, вероятно, исходя из житейского опыта, он изложил этот категоричный наказ со смягчающими поправками: «Здоровье, хорошее расположение духа и богатство — вот самое дорогое в сей жизни, и последнее из них способствует двум первым».

При жизни Свифт имел репутацию скупца. В письмах к самому близкому ему человеку, Эстер Джонсон, он, не переставая, сокрушался о каждодневных вынужденных тратах:

«Последнюю неделю стоит дрянная погода, я израсходовал из-за нее десять шиллингов на наемные кареты и портшезы».

«Ушибленное колено разорит меня на наемных каретах: я истратил нынче не менее двух шиллингов, чтобы доехать до Сити и обратно».

«Сегодня опять ушло два шиллинга на карету и портшез. Я разорюсь!»

«Этот дождь разорит меня на каретах. Туда я часть пути прошел пешком и сберег тем шесть пенсов, а когда осталось расстояние на шиллинг, нанял карету; обратно же меня подвезли даром».

«Я наведалься к мистеру Гарли, но не застал его и при этом потерял еще полкроны на рождественских чаевых его привратнику».

«Лорд Галифакс без конца ко мне пристает, зазывая к себе в поместье, а ведь мне придется тогда дать на чай его лакеям не меньше гиней да еще истратить двенадцать шиллингов на наемную карету, так что его скорее повесят, чем я это сделаю».

Читая такое, легко поверить, что Свифт и вправду был скупым и мелочным. «Скупость и черствость сердца — вот два качества, доставляющие человеку наибольшее счастье», — это ведь тоже его слова. Правда, вряд ли в этом случае он имел в виду себя. Счастливец он — увы! — не был. Да, экономил — на карете, еде, чаевых. Не скрывал своего довольства, когда получал приглашения на званные обеды: «Как ни скареден этот город, у меня сейчас больше приглашений на обед, чем когда бы то ни было, и на некоторых званных обедах я не смогу присутствовать по той лишь причине, что на эти дни меня уже пригласили раньше».

Но все это — совсем не для того, чтобы приумножить свое состояние. Если и был он скупцом, то необычайно странным, может, даже единственным в своем роде. Все сэкономленные деньги он, оказывается, раздавал нищим!

С тех пор как Свифт стал настоятелем собора Святого Патрика — самого большого храма Ирландии, он своим годовым доходом распоряжался, разделив его на три части: одна шла на содержание прихода и личные расходы, другая — на будущий госпиталь для душевнобольных и третья — на благотворительные пожертвования. Так вот эта третья часть, как правило, была самой большой: в течение года она заметно возрасла за счет того, что Свифт постоянно урезал личные расходы. Получается, что экономил он только затем, чтобы быть более щедрым в подаяниях!

Домоправительница, которой Свифт доверял денежные поручения, знала: вернувшись со званного обеда или ужина, он непременно прикажет передать несколько шил-

лингов бедным. Подвезет его попутчик в карете — опять выдаст шиллинг или два для нищих. Конечно, то была помощь не от случая к случаю. Свифт, как мог, ее упорядочил: составил список нуждающихся — в основном старых, одиноких и больных женщин своего прихода, которые уже не могли работать, — и регулярно выдавал им милостыню, отмечая, кто, когда и сколько денег получил.

Поддерживал он не только тех, кто обнищал. Ремесленникам, мелким торговцам выдавал из своих средств беспроцентные ссуды. Помогал деньгами родственникам и знакомым, стараясь и в этом придерживаться определенного порядка: многим выплачивал ежемесячные или ежегодные денежные пособия.

А ведь доходы Свифта были довольно скромными и не особо располагали к такой жертвенности. Он и сам признавался: порой помогал другим только потому, что находил в этом удовольствие — настолько большое, что оно казалось ему предосудительным: «Иногда мне доставляет удовольствие способствовать обогащению других, и, боюсь, удовольствие это слишком велико, чтобы быть добродетелью — по крайней мере, для меня».

Один из своих главных жизненных выводов Свифт сформулировал с присущим ему насмешливым остроумием: «Никто не стремится получать советы, зато деньги получать горазды все, — выходит, деньги лучше, чем советы». Понятно, что сказано это еще и с самоиронией. «Деньги лучше, чем советы и слова» — не самый утешительный расклад для проповедника и писателя. Но будет справедливым заметить: сам Свифт отлично понимал, в каких случаях требуются советы, а в каких наставлениям и поучениям следует предпочесть деньги...

* * *

«Госпиталь Святого Патрика для имбецилов» был открыт в Дублине в 1747 году на деньги, завещанные Свифтом. В настоящее время эта лечебница известна как Университетская больница Святого Патрика — старейшая и крупнейшая в Ирландии некоммерческая служба психиатрической помощи. По многочисленным свидетельствам, больничные койки в ней никогда не пустовали...

«Деньги — это веселящий газ»

Один из самых именитых психологов XX века, основатель психоанализа Зигмунд Фрейд, намекая на грязную природу денег, отождествил их с фекалиями. Впрочем, такое уничижительное сопоставление — всего лишь экстравагантный декор его головоломных психоаналитических построений. Истинное отношение Фрейда к деньгам было совсем иным. Оно живо и красноречиво запечатлелось в таком его откровении: «Мое настроение очень сильно зависит от моих заработков. Деньги для меня — это веселящий газ».

«Веселящий газ» (он же — закись азота), как известно, вызывает чувство опьянения, часто сопровождающееся смехом. Недоброжелатели Фрейда — знай они об этом его ироническом признании — не преминули бы съязвить, что многие идеи только в таком состоянии и могли прийти ему в голову. Но то злопыхатели и ненавистники! Тем, кто относится к Фрейду без предубеждения и знаком с его биографией, в этом сравнении, возможно, откроется иной метафорический подтекст.

В смеси с кислородом «веселящий газ» используют в медицине для анестезии. В небольших дозах он обладает также успокаивающим эффектом и может снять стресс,

тревогу и страх. Именно об этом уместно вспомнить, обращаясь к теме денег в жизни Фрейда. Великий психиатр, как утверждают некоторые его биографы, страдал тяжелейшим неврозом: на протяжении всей жизни его преследовал страх финансовых потерь и утраты материального благополучия.

Одним из первых на это обратил внимание знаменитый экономист Питер Друкер, лично знавший Фрейда. Друкер симптомы его невротического расстройства усматривал в «постоянном нытье и волнении по поводу недостаточных заработков, неспособности оправдать собственные надежды и надежды семьи», в «навязчивых разговорах о деньгах».

По признанию самого Фрейда, страх бедности стал для него пожизненным травматичным переживанием: «Я с юных лет знаю, что стоит накинуть лассо на диких лошадей из пампасов, и они навсегда сохраняют тревогу. Так и я, познав беспомощность нищеты, постоянно боюсь ее». Он родился и вырос в семье, часто нуждавшейся в деньгах. Нужда порой была столь острой, что подталкивала родных Фрейда к отчаянным и опрометчивым поступкам. Известно, что его родной дядя был осужден за изготовление фальшивых купюр. По слухам, к этим неблагоприятным делам были причастны и отец Фрейда с двумя сыновьями от первого брака, сводными братьями Зигмунда.

Из-за нехватки денег рушились многие жизненные планы Фрейда. После окончания университета он решил посвятить себя науке, справедливо полагая, что именно в этом его настоящее призвание. Но тогдашнего жалования, которое он получал в Институте физиологии, не хватало даже на каждодневные нужды — при том, что потребности его были весьма скромными. Научный руководитель Зигмунда не раз с сожалением говорил ученику, что занятия наукой — это «роскошь, которую могут позволить себе лишь состоятельные люди», и советовал ему заняться медицинской практикой.

Много позже, вспоминая то время, Фрейд напишет: «Особого пристрастия к карьере врача я в те юные годы не питал, а впрочем — не питал и в дальнейшем... После 41-го года врачебной деятельности я осознаю, что никогда, собственно, не был настоящим врачом. Я стал им, будучи принужден отклониться от своей первоначальной цели». А принудило его к этому безденежье. Ну и еще любовь к женщине: решение отказаться от науки в пользу практической медицины Фрейд принял после помолвки с Мартой Бернайнс.

Однако заработки начинающего врача мало отличались от доходов молодого ученого и также не позволяли содержать семью. Бедность была единственным, но почти непреодолимым препятствием, мешающим Зигмунду и Марте вступить в брак. От помолвки до свадьбы прошло более четырех лет! К тому же три года влюбленные были еще и разделены расстоянием: после того, как они тайно обручились, семья Марты переехала из Вены в Гамбург. За время разлуки Фрейд написал и отправил своей невесте около тысячи писем!

В своих посланиях он часто упоминал и о деньгах. Они были постоянным атрибутом идиллических картин будущего, которые рисовались его воображению: «Я приезжаю с деньгами и надолго остаюсь с тобой, привожу тебе нечто восхитительное, а затем еду в Париж, становлюсь великим ученым и возвращаюсь в Вену, окруженный громкой славой. Мы сразу поженимся и счастливо проживем». Но куда чаще он жаловался на бедственное положение и невозможность его изменить: «Как это ужасно, моя любимая, когда нет денег. Просто ума не приложу, как люди содержат семью».

Любопытно, что сразу после помолвки Зигмунд стал каждую неделю посылать Марте отчеты о своих денежных расходах. Он фактически отдал себя под финансовый присмотр невесты, навязав ей еще и роль личного банкира. Фрейд отправлял ей

все деньги, которые ему удавалось сэкономить. Когда же деньги требовались ему, он их получал от Марты, считая это займом, который нужно вернуть с процентами.

В те годы он часто поддавался суевериям, связанным с деньгами. Впрочем, ничего удивительного: суеверие маскировало все тот же его постоянный страх бедности. Он настоятельно советовал Марте класть в копилку не банкноты, а серебряные монеты: «Металл обладает магической властью и притягивает к себе монеты; бумажки выбрасываются на ветер».

Однако суеверные ухищрения не могли приблизить день свадьбы: денег все еще было недостаточно. Фрейд экономил на всем, но увеличить накопления не получалось. Ему по-прежнему приходилось занимать деньги у друзей. И не только деньги. Для визитов в респектабельные дома он не раз брал у приятеля пальто, потому что свое протерлось до дыр. Угнетало его также, что не мог помогать матери и сестрам — они после смерти отца жили в нищете. Фрейд вспоминал, что однажды, находясь в гостях, он за обедом не мог есть мясное блюдо при мысли о голоде, который испытывали его сестры.

Еще до помолвки Фрейд подсчитал, что нельзя жениться, не имея, по меньшей мере, 2500 гульденов. А у него спустя четыре года было всего около тысячи гульденов, сохранившихся от денег, подаренных приятелем. Положение спасла состоятельная родственница Марты — ее тетя, благодаря денежному подарку которой приданое невесты заметно увеличилось. Впрочем, незадолго до свадьбы случился скандал, который едва ее не разрушил.

Марта неосторожно сообщила жениху, что одолжила своему брату Эли деньги — примерно половину приданого. Эли занимался коммерцией, полученную сумму незамедлительно пустил в оборот, заверив Марту, что в скором времени вернет долг. В ситуации не было ничего чрезвычайного: срочные вложения — обычное дело для бизнеса. Но Фрейд, не имевший представления о том, как ведут дела коммерсанты, заподозрил Эли в обмане, в намерении присвоить деньги из приданого. Он написал Марте негодующее письмо, потребовав от нее сделать все, чтобы деньги были немедленно возвращены. Этим требованием он не ограничился и ультимативно заявил, что Марта должна назвать брата подлецом и прекратить с ним всякие отношения.

Марта была потрясена эскападами жениха и неистовыми проявлениями его меркантильности. Она наотрез отказалась в чем-либо обвинять брата. В конце концов Зигмунд сам написал гневное письмо Эли, после чего тот деньги сразу вернул и признался сестре, что был совершенно обескуражен грубым напором ее жениха. Фрейд впоследствии объяснял свою несдержанность опасениями, что Эли затянет с возвратом долга, из-за чего свадьба будет отложена. При этом его ничуть не смущало, что изрядная часть расходов на свадьбу, жилье, мебель будет оплачена из приданого невесты. Он и этому находил оправдание: «Ты осталась бы старой девой, если бы я позволил тебе ждать, пока смогу за все заплатить».

В молодые годы Фрейд получал ощутимую денежную поддержку от материально обеспеченных друзей и коллег. Причем помогали они не по просьбе Зигмунда, а по собственной инициативе. Сам Фрейд так писал об этом жене: «Сначала мне было очень стыдно, но позже... я смирился с мыслью быть в долгу у хороших людей, одной с нами веры, не чувствуя личных обязательств». В этом откровении вызывают некоторое замешательство последние слова: «не чувствуя личных обязательств». А что они, собственно, означают? Что эти деньги можно не возвращать?!

Похоже, что именно так! Вот что о Фрейде писал Арон Белкин, в недавнем прошлом — почетный президент Русского психоаналитического общества: «Его состоя-

тельные друзья навязывали ему помощь, уговаривали не стесняться, убеждали в том, что ничего плохого он не сделает, если примет этот залог дружбы от хороших людей. И он принимал эти деньги... Но психологический итог выходил ужасный... Фрейд сердился на себя — и не мог противостоять искушению, тратил бездну душевных сил, чтобы заглушить чувство униженности... Казалось, единственной реальной защитой было бы сказать себе: я беру деньги в долг, я верну их, как только встану на ноги, — и, разумеется, так и поступить. Но если подобное намерение и возникало, исполнено оно не было. Ни вскоре, ни по прошествии лет долгов Фрейд не возвращал — выше его сил было расстаться с деньгами, которых никто с него и не требовал».

В письмах к жене он не раз убеждал ее, а еще больше самого себя в том, что оказываемое им денежное покровительство нужно принимать как должное: «Не правда ли, замечательно, что богатый человек смягчает несправедливость нашего бедного происхождения и несправедливость своего собственного привилегированного положения?»

Получив клинический опыт в различных больницах, Фрейд смог затем открыть частную практику. В выборе специализации был исключительно расчетлив: «Из материальных соображений я начал заниматься нервными болезнями». Ведь в Вене, как он иронически пояснял, целые «толпы невротиков бросались в отчаянии от одного врача к другому, не находя облегчения». И самое главное — они готовы были платить за свое исцеление немалые деньги!

Фрейд был уверен: теперь будущее своей семьи он с легкостью сможет обеспечить. Он успокаивал Марту: «То, что нам требуется для нашей независимости, может быть достигнуто честной равномерной работой без гигантских усилий». Но без усилий не получилось. «Даром ничего не дается. Становиться богатым, должно быть, очень трудно», — еще одно его выстраданное убеждение. Даже когда к Фрейду пришла известность, он продолжал работать по 14—15 часов в сутки. Первого пациента принимал, как правило, уже в восемь утра. Заканчивал прием в девять вечера. Ну а после писал статьи, работал над рукописями книг, отвечал на письма. Ложился спать в час-два ночи, а то и позже. Легко поверить в его слова, что он при этом «валился подобно спиленному дереву».

Став вполне обеспеченным человеком, он по-прежнему с тревогой и беспокойством относился к своему финансовому положению: все так же ежедневно подсчитывал доходы и расходы, все так же часто писал и говорил о деньгах. «Ничто в жизни не стоит так дорого, как болезнь и глупость» — сложно сказать, чего в этих словах Фрейда больше: мрачной иронии, откровенной издевки или денежного расчета. Он быстро поднаторел в умении извлекать доходы из чужих слабостей. Сеанс психоанализа у него стоил недешево и был доступен только состоятельным людям. За один прием он брал сумму, равную стоимости весьма дорогого мужского костюма.

«Плата за терапию, — доказывал Фрейд, — должна существенно сказываться на кармане пациента, иначе терапия идет худо». В подтверждение ссылался на собственную практику: еженедельно он принимал одного пациента бесплатно, но, как правило, никакого прогресса в состоянии такого больного не наблюдалось.

Врачебный авторитет и популярность Фрейда подкреплялись не только его высокими гонорарами. В одном из писем он писал: «Я избалован и испорчен многочисленными подарками из продуктов, сигар и денег, которые люди мне преподносят и которые я должен принимать, поскольку иначе не смогу жить». Надо заметить, что такие подарки и подношения не делали Фрейда более уступчивым и покладистым в вопросе вознаграждения, которого он требовал за свой труд. В этом он всегда и со всеми оставался болезненно педантичным, порой даже неприглядно мелочным.

Среди пациентов Фрейда было немало знаменитостей. Однажды ему пришлось консультировать известного австрийского композитора и дирижера Густава Малера, у которого были серьезные проблемы в отношениях с женой. Фрейд уделил ему более четырех часов. По признанию самого Малера, эта беседа помогла ему восстановить душевное равновесие. Но так случилось, что через несколько месяцев композитор, работая по контракту в США, заболел и умер. Фрейд, узнав об этом, вместе с соболезнованием отправил его вдове счет за неоплаченную консультацию. Но, наверное, и такой бездушной неделикатности можно найти психологическое оправдание: ведь долгие годы Фрейд жил на грани бедности и остро переживал потерю даже самых малых сумм.

Судьба нередко насмешливо и злорадно откликается на страхи и волнения человека. Уже будучи всемирно известным и материально вполне обеспеченным, Фрейд действительно попал в бедственное положение, которого так опасался. Во время Первой мировой войны его благосостояние заметно пошатнулось, а сразу после войны — вместе с крахом австрийской денежной системы — он лишился всех своих сбережений. В его жизнь опять вернулись нищета и лишения. А ведь он тогда был кормильцем огромной семьи. На его содержании были не только жена и дочь, но и сыновья, оказавшиеся без работы, мать и сестра Марты, а также две его овдовевшие сестры.

Правда, восстановить былое благополучие удалось довольно быстро. Среди пациентов Фрейда было немало приехавших из США — страны, валюта которой не пострадала от войны и финансовых кризисов. Плату за лечение он брал с них в долларах, что и позволило ему за два-три года приблизиться к уровню своих довоенных доходов. Уже тогда — более ста лет назад — отец психоанализа проницательно заметил, что «нашим Старым Светом доллар правит так же, как и Новым».

Фрейд всегда стремился к жизненной свободе и независимости — эти слова часто встречаются в его письмах. Что он понимал под этим? Прежде всего — возможность управлять собственной жизнью. Получил ли он эту свободу? Удалось ли ему в конце концов преодолеть болезненную зависимость от денег и обрести психологическую устойчивость? Ответы находим у самого Фрейда, которого — нужно отдать ему должное — всегда отличали внутренняя честность, объективность и порой даже беспощадность самоанализа.

В одном из писем к своему другу Вильгельму Флиссу он рассуждает о том, как опасна для человека работа ради денег. Фрейд метафорически сравнивает ее с неоплазией — образованием в организме человека опухолей: такая работа — «разновидность неопластического вещества, которое просачивается в человеческую природу, а затем заменяет ее». И после этого сравнения — пугающий вывод, фактически приговор: «Для меня работа и заработок идентичны, так что я целиком стал каким-то раковым новообразованием... К такому новообразованию ничего нельзя прилепить, и мое существование с недавних пор походит на жизнь такой опухоли».

Фрейд писал эти строки, когда ему было 43 года. Через четверть века рискованная метафора станет страшной реальностью: у него диагностируют рак ротовой полости. После нескольких операций (а всего их будет 33) Фрейд скажет о себе еще более прямо и откровенно: «Я на самом деле очень устал и нуждаюсь в отдыхе. Правильней было бы отложить в сторону всю работу и обязанности и ожидать в тихом углу естественного конца. Но искушение — противоречащее необходимости — продолжать кое-что зарабатывать, слишком велико».

Да вовсе и не искушение то было, а глубоко укоренившаяся привычка, изнурительная и неистребимая потребность — продолжать зарабатывать! За месяц до своей

смерти, измученный многочисленными операциями, он все еще будет принимать пациентов, до конца оправдывая ту фатальную и горькую характеристику, которую когда-то сам же себе и дал: «Я просто машина для зарабатывания денег...»

**«Деньги созданы, чтобы их тратить,
если вам повезло их иметь»**

Бывает так, что детские мечты становятся юношеской страстью, а потом и пожизненной одержимостью: той неукротимой силой, которая одних поднимает на вершины успеха, других — валит с ног, опрокидывая и калеча. У Франсуазы Саган такой неослабевающей страстью были автомобили. Уже в детские годы быстрая езда вызывала у нее бурный восторг: отец часто брал маленькую дочь в поездки в машине с открытым верхом и даже позволял браться за руль.

По сути, именно мечта о собственном автомобиле и вдохновила ее на сочинительство. Свой первый роман «Здравствуй, грусть!» Саган написала, когда ей было 18 лет. Еще до того как сесть за рукопись, она уверенно заявила лучшей подруге, что заработает на этой книге большие деньги и купит «ягуар». Все сбылось! Книга сразу разошлась тиражом более миллиона экземпляров. Уже первый гонорар сделал Франсуазу, не достигшую совершеннолетия (во Франции тогда оно наступало в 20 лет), миллионершей. После того как роман был переведен и издан более чем в 20 странах, на Саган, по ее словам, «пролился золотой дождь». На смену подержанному «ягуару» пришли «гордини», «астон мартин», «бьюик», «мазерати», «феррари».

Такой ранний и успешный дебют был событием поистине феноменальным: Франсуаза чуть ли не в одночасье стала и необыкновенно знаменитой, и по-настоящему богатой. Рассказывают, что юная романистка, растерявшись от ошеломительного успеха, совершенно не знала, что делать с неожиданно появившимися у нее баснословными деньгами. Обратившись к отцу, она получила краткий и недвусмысленный совет: «Все их растрать! В твоём возрасте они опасны».

Отцовское наставление стало в каком-то смысле роковым. Поспешив исполнить рекомендации отца, Франсуаза навсегда стала заложницей так восхитившего ее ощущения свободы, праздника и беззаботности — оно неизменно сопровождало нерасчетливую и беспечную трату денег.

«В двадцать лет, съехав от родителей, — вспоминала Саган, — я поняла, что у меня чудовищно много денег. Я купила квартиру, где жила вместе с братом; там постоянно находилась толпа людей, которых я запросто могла содержать; я могла купить билет на самолет, чтобы провести вечерок в Сен-Тропе, покупала машины, яхты, кутила, и многочисленные друзья жили за мой счет».

Позже она поделится еще таким вот откровением: «Эти деньги были немного сумасшедшими сами по себе». Понятно, что это не столько о деньгах, сколько о самой себе, о своем сумасбродстве и чудачествах. Единственный сын писательницы вспоминал: «У нас в шкафу стояла шляпная коробка, до краев заполненная бумажными ассигнациями. И если к матери приходили знакомые, испытывавшие финансовые затруднения, им нужно было просто заглянуть в шкаф и взять столько, сколько было необходимо. Таким образом, им не приходилось ничего просить у моей матери, а ей — ничего давать». На самом деле вряд ли кто-то из окружения Франсуазы мог испытать неудобство, если бы ему пришлось просить о денежной помощи. Да и сама она легко откликнулась на подобные просьбы. Так что никакая это не забота о вну-

треннем комфорте возможных просителей, а, скорее, забава, развлечение, домашний аттракцион щедрости.

Для Саган деньги всегда были обещанием праздника, игры и приключений. «Это правда, — рассуждала она, — что деньги, пока играешь, опять становятся тем, чем и должны были бы оставаться раз и навсегда, — игрушкой, жетоном, чем-то взаимозаменяемым». И это сказано не только об игре в казино. Саган не раз признавалась, что ей невыносима обыденность и монотонность жизни. Потому она и относилась к деньгам как к способу защиты от тусклой повседневности, стремилась при любой возможности «обменять» их на праздничное веселье и острые, яркие ощущения.

Проще всего было эти ощущения получить, разогнав автомобиль до предельной скорости: «Ехать на бешеной скорости — значит испытывать настоящее наслаждение и даже ликование, забывая о безопасности на дороге и, возможно, о пределах собственных рефлексов... Я свято верю: скорость — не признак жизни, не вызов ей, а порыв к счастью». Но такой порыв, о котором она писала, как раз и был вызовом судьбе, игрой со смертью — игрой, в которой человек далеко не всегда выигрывает.

В апреле 1957 года Саган попала в страшную аварию: ее автомобиль занесло, он перевернулся и, пролетев метров 30, упал в придорожную канаву. С большим трудом Франсуазу извлекли из искореженной машины. Долгое время она находилась в коме, и шансов на ее спасение практически не было. В госпиталь даже пришлось вызвать священника, который ее соборовал. Однако она выжила! Это назовут чудом. Но за чудо пришлось расплачиваться по непомерно высокой цене. В продолжение нескольких месяцев, чтобы снять невыносимые боли, Франсуазе кололи наркотический анальгетик. От возникшей тогда наркозависимости она так никогда и не избавилась. С годами наркотики стали едва ли не самой затратной статьёй ее личного бюджета.

И была у нее еще одна болезненная тяга — к игре в казино. Ну а как могла Саган не поддаться этой страсти, если уже через пару недель после первой своей игры в рулетку стала обладателем фантастического выигрыша в восемь миллионов франков! На выигранные деньги она на следующий же день купила старинный особняк в Нормандии.

Слухи о необычайном денежном везении сопровождали писательницу на протяжении многих лет. На улицах к Франсуазе нередко обращались незнакомые люди с просьбой купить для них лотерейные билеты, объясняя это тем, что ей всегда везет и деньги ее любят. Но она свое отношение к деньгам оценивала не так однозначно: «Я их, разумеется, не презираю, но и не люблю».

Вызывающе свободный образ жизни, который вела Саган, на долгие годы сделал ее героиней светских сплетен и пересудов. «Не знаю, чего мне больше не могут простить, — иронизировала она в одном из интервью, — что я заработала много денег или что их растратила». Насколько справедливыми были эти упреки в мотовстве? Она и сама признавалась, что порой бросала деньги на ветер, не в силах устоять перед искушением купить какую-нибудь «преlestную вещицу» и не задумываясь о ее цене. Но тут же находила себе оправдание: «Я сама зарабатывала эти деньги. Они никогда не доставались мне за чужой счет, и тратила я их всегда не одна. Винаватой себя ни в чем не чувствую. Деньги оказывают услуги: они созданы, чтобы их тратить, если вам повезло их иметь».

Автомобильные забавы, казино, божественные вечеринки, многочисленные любовные приключения... Невольно задаешься вопросом: а когда же она книги писала? Если верить Саган, вдохновение приходило вместе с нуждой в деньгах: «Наступает момент, когда в голове появляются сюжеты, смутные идеи, неясные силуэты... И возникает какой-то внешний фактор — больше нет денег или надо платить налоги. Приходится

садиться за стол... Меня часто упрекают в том, что я выбрасываю деньги в окно. Но именно это меня, может быть, и спасло. Будь я человеком обеспеченным и материально независимым, не знаю, стала ли бы я писать».

А еще она однажды в интервью сказала так: «Деньги — груз, мешающий набрать высоту». Журналисты подхватили эти слова, растиражировали и сделали их чуть ли не крылатыми. Фраза действительно яркая и запоминающаяся, но сбивающая с толку. И смысл ее без пояснений далеко не каждому был очевиден. Это совсем не апология бедности, которую Саган считала ужасным бедствием. Но порой, как она полагала, имеет смысл «разгрузиться», истратить все свои деньги. Это будет стимулом к развитию, движению, полету: так, чтобы увеличить подъемную силу воздушного шара, надо сбросить вниз груз, балласт. Примерно о том же, но более прямо писала она в зрелые годы, обращаясь к молодым писателям: «Будьте расточительны, это будет вынуждать вас не стоять на месте».

Все, знавшие Саган, в один голос говорили о ее поразительной щедрости. Впрочем, сама она ничего необычного в этом не видела: «Человек, у которого есть деньги, если это нормальный человек, — ну, скажем, нормальный в моем понимании, — делится ими с теми, кто в них нуждается». Однако представление о нормальном у Саган заметно расходилось с общепринятым: она отправляла большие суммы незнакомым людям, присылавшим ей письма с просьбой купить, к примеру, стиральную машину или холодильник.

«Она не придавала деньгам никакого значения и раздавала их налево и направо, — вспоминал сын писательницы. — Сколько раз, когда мы выходили вместе из дома и сталкивались с нищими на улице, она отдавала им все деньги из своей сумки. И ее абсолютно не заботило, какая сумма там лежала — тысяча франков или две».

Если кто-то, находясь у нее дома, выражал восхищение каким-либо понравившимся предметом — часами, картиной, украшениями, — то он тут же или на следующий день непременно получал его в подарок. «Я не собственница и не люблю экономить деньги», — не раз говорила о себе Саган. Но в этом ее признании не вся правда, как и в другом, еще более эффектном и броском: «Я настолько же люблю тратить деньги, насколько ненавижу их считать». Ни экономить, ни считать она попросту не умела! И было это не столько богемной блажью, сколько домашним, бытовым пороком, делавшим ее житейски очень уязвимой. В быту она всегда оставалась инфантильной и беспомощной — до такой степени, что ей пришлось обратиться к своему банкиру Эли де Ротшильду с просьбой выделить помощницу для решения финансовых вопросов.

В те годы, когда она находилась под опекой банка, денежные дела ее были в отнесенном порядке. Банк следил за уплатой налогов и страховых взносов, оплатой аренды и коммунальных услуг. Чековой книжки у Франсуазы не было: без обсуждения с банком она не могла совершить ни одной сколько-нибудь серьезной покупки, а на карманные расходы ей выделяли небольшие суммы наличными.

Все изменилось, когда в начале 80-х стилист и дизайнер Пегги Рош, самая близкая подруга Саган, поселившись с ней вместе, стала фактически хозяйкой в доме. Она отказалась от помощи банка и сама взялась управлять общим бюджетом. Франсуаза вновь получила финансовую свободу, могла пользоваться и чековой книжкой, и кредитной картой. Однако эта свобода вскоре обернулась серьезными денежными проблемами и в конце концов привела Саган к жизненной катастрофе.

В начале 90-х к ней обратился давний ее приятель Андре Гельфи, в прошлом известный автогонщик, ставший к тому времени мультимиллионером и пользовавшийся большим влиянием в бизнес-кругах. Он подвизался в качестве иностранного совет-

ника и консультанта в правительствах нескольких среднеазиатских государств — бывших республик СССР, помогал французским компаниям налаживать связи с госаппаратом этих стран и получать там выгодные контракты — как правило, с помощью взяток и откатов.

Франсуазу он просил передать президенту Франции Миттерану, ее другу и поклоннику, материалы, которые должны были помочь госкорпорации Elf Aquitaine начать разработку нефтяных месторождений в Узбекистане. За посредничество, а также организацию встречи Миттерана с представителями узбекской стороны Саган получила от Гельфи 600 тысяч долларов.

Ловкий авантюрист убедил доверчивую Франсуазу в том, что деньги были не платой за услугу, а подарком — личной благодарностью за участие, которое она приняла в его судьбе. В молодости Саган помогла ему встретиться с важными для него людьми: те встречи способствовали его карьере, и он уже давно искал возможность ее отблагодарить. Гельфи тут же предложил на эти деньги отремонтировать пришедший в запустение дом Франсуазы в Нормандии.

Саган действительно передала все документы Миттерану. Тот в шуточной форме ответил, что не стоит ей примерять на себя образ Маты Хари и вмешиваться в это дело. Но разрешение и средства на нефтеразведку Elf Aquitaine получила. Однако вскоре после смерти Миттерана разразился громкий коррупционный скандал, связанный с этой компанией. В ходе судебного расследования всплыло и имя Саган. Выяснилось, что деньги на ремонт ее особняка через подставную фирму перевел именно концерн Elf Aquitaine. Некоторые журналисты даже поспешили назвать ее «узбекской шпионкой». Впрочем, никаких обвинений в том процессе Саган не предъявили.

А с особняком все было непросто. Вскоре после начала ремонта в нем случился пожар, по-видимому, из-за умышленного поджога. Дом полностью сгорел. Чтобы его восстановить, полученной от Гельфи суммы было мало. Пришлось вложить еще и деньги, полученные по страховке.

Отстроенный особняк привлек внимание налоговых служб, которые потребовали предъявить документы об израсходованных на ремонт средствах и объяснить их происхождение. Ремонтную компанию к тому времени уже ликвидировали. Но по сохранившимся сметам установили, что строители во много раз завысили стоимость работ. Стало ясно: и пожар, и ремонт были прикрытием для отмывания денег, а сама Саган стала жертвой мошенничества. В вину ей вменяли лишь то, что она не задекларировала полученные доходы и не уплатила с них налоги.

Франсуаза объясняла все тем, что деньги были подарком, дружеской помощью, и ей в голову не могло прийти, что в этом случае тоже нужно платить налоги. На судебном процессе ее не было: незадолго до этого она сломала шейку бедра, перенесла несколько операций и не могла самостоятельно передвигаться.

Адвокат, воспользовавшись отсутствием в зале подзащитной, решился сказать то, что было бы не вполне тактичным в ее присутствии: «Это дело надо увязать с неординарной личностью госпожи Саган. Моя клиентка до сего дня не понимает разницы между сотней франков и ста миллионами». Если и было в этой оценке преувеличение, то только для того, чтобы подчеркнуть поразительную инфантильность и наивность Франсуазы в денежных вопросах.

Однако оснований для оправдательного приговора суд не нашел, приговорив ее к году тюремного заключения и огромному штрафу в размере более 800 тысяч евро. Принимая во внимание преклонный возраст и слабое здоровье подсудимой, обвинение согласилось с ее условным осуждением.

Саган оказалась полностью разоренной. Она потеряла все сбережения и недвижимое имущество, была лишена возможности получать доходы от издания книг. Но уплатить долги налоговому ведомству она до конца жизни так и не смогла. «У меня нет ни одежды, ни кровя, ни стола, ни стула, и я живу только благодаря помощи друзей», — таким плачевным оказалось конечное сальдо ее жизни.

Ее последние годы стали временем беспросветного унижения, когда она — тяжелобольная, без своего угла, денег, семьи — медленно умирала в чужом доме. Вспоминала ли она тогда свою давнюю простодушную убежденность: «У меня никогда не будет времени быть старой»?

В печати несколько раз появлялись обращения к властям с призывами помочь обнищавшей и больной знаменитости. Наиболее громким и резким стал обличительный выпад ее младшего собрата по перу Фредерика Бегбедера: «Самая великая из ныне живущих французских писательниц брошена своей страной. Я обвиняю президента и премьер-министра в неуважении к французской литературе. Франция убивает своего последнего литературного гения... Вы, чудовищные монстры, вершите расправу над красотой и искусством!»

Бегбедер, известный своими экстравагантными взглядами и поступками, конечно, безосновательно причислил Саган к пантеону литературных гениев. И на власть он обрушился напрасно. Ведь жизненная катастрофа Саган была вполне предсказуемой. Ее отношение к деньгам никогда не было рациональным, балансируя на грани игры и эпатажа, беспечности и безрассудства.

И не только к деньгам: фатальными были многие ее жизненные пристрастия и предпочтения. «Терпеть не могу в людях уверенность в завтрашнем дне и стремление к безопасности... Меня привлекает все, что не обнадеживает, — откровенничала Саган и сокрушалась: — Мы живем в такое отвратное время, когда непредсказуемости, иррациональности на каждом шагу противопоставляются точные цифры и ограничения».

Но «точные цифры и ограничения» — универсальный инструмент здравомыслия и практичности, без которых невозможно сохранить жизненное равновесие и устойчивость. Тот, кто предпочитает им иррациональность и непредсказуемость, расплачивается благополучием и судьбой: как Саган, чья жизнь, подобно автомобилю, потерявшему управление на безумной скорости, так и не смогла выйти из крутого заноса, перевернулась и рухнула вниз с дорожной насыпи...